

— Благодарю вас! — улыбнулась очень ухоженная дама официанту, когда тот убрал ее тарелку со стола.

Голос у дамы оказался звучный, хотя говорила она негромко, улыбка выглядела искренней, а возле глаз собрались симпатичные морщинки-лучики. Дама была не слишком молода, но возраста своего не скрывала. Правда, никто из тех, кто составлял ей компанию в ресторане круизного лайнера, точной цифры так и не узнал.

Всего за столом находилось восемь человек: как сели случайно в первый вечер путешествия, так и садились потом все время вместе. Как заметил Иннокентий Павлович, чтобы обед или ужин проходили в спокойной дружественной обстановке, надлежало следовать правилу древних римлян: число гостей за столом должно превышать число граций, но быть меньше числа муз. То есть от трех до девяти человек. Если гостей соберется меньше — им будет скучно, если больше — не получится общего разговора: один

из собеседников что-то не расслышит, другой постесняется переспросить, короче, будут недовольные.

— Значит, у нас наилучший вариант! — согласилась Елена Юрьевна.

Сидя во главе стола, она исполняла роль хозяйки, то есть следила за ходом беседы, вовлекала в нее всех гостей, а если разговор начинал буксовать, то сама находила тему. Чаще всего именно так и происходило.

Как уже говорилось, голос у Елены Юрьевны был звучный, речь правильная, а истории, рассказанные ею, забавные, с хорошим концом. Она была вдовой, причем, как поняли соседи по столу, весьма обеспеченной. Впрочем, этот круиз предназначался не для бедных.

Официантов понукать не приходилось, они появлялись неслышно и обслуживали по высшему разряду. Вот и сейчас не успел один мигом убрать тарелки, как уже подходил второй с блюдом десерта — фруктами и чем-то воздушно-розовым.

— Как вы думаете, что напоминает наша компания? — спросила Елена Юрьевна, обращаясь к Марии и одновременно элегантно отмахиваясь от официанта, подающего десерт.

— Ну... — Мария помедлила с ответом.

— Тут и думать нечего, — ответил за нее Глеб, — разумеется, детективы Агаты Кристи. Круизный лайнер, море, восемь человек мило беседуют, а потом — раз! — и убийство.

— Но среди нас нет ни Эркюля Пуаро, ни мисс Марпл... — рассмеялась Елена Юрьевна, глядя на Марию.

«Неужели она знает? Но откуда? Я никому не говорила, что пишу детективы, а соседям по столу представилась преподавателем английского. Впрочем, так оно и есть, — похолодев, подумала Мария и тут же рассердилась на себя: — Да если бы и узнали, что такого?» Она написала уже три романа, а толку? Вот почему она и не хотела ничего про себя рассказывать. Новые знакомые обязательно начнут интересоваться, где можно прочесть, а когда прочтут, станут критиковать, а кто-нибудь обязательно скажет, что терпеть не может детективы, тем более дамские. В общем, ничего хорошего не будет.

Но бояться тоже не следовало. Мария не сделала ничего плохого, а вздрагивала, как пичуга на ветру.

— Вам холодно? — склонился к ней Глеб.

— Да, что-то от кондиционера дует... — отговорила Мария, с завистью глядя, как двое супругов, Игорь и Ольга, наложили себе по неприлично большой порции воздушно-розового десерта и с аппетитом его уплетают.

Ольга уловила ее расстроенный взгляд и подмигнула. Зачем отказывать себе в удовольствии, если все оплачено?

— Кофе? — спросил неслышно приблизившийся третий официант.

Обычно Мария отказывалась, мотивируя это тем, что не заснет, если выпьет крепкий кофе на ночь. Хотя какая же ночь? Всего десятый час. Для некоторых вечер только начинался. После ужина была предусмотрена обширная программа: казино, танцы, а можно просто посидеть в одном из четырех баров и выпить коктейль.

Мария тут же усмехнулась про себя: «Ага, обширная программа, только не для нее». Казино? Это просто смешно. Кроме того, что она никогда в жизни не играла и понятия не имела, как это делается, у нее попросту не было лишних денег. А вдруг она окажется азартной, как бабушка в «Игроке» Достоевского, и продует все, что у нее есть?

Да нет, конечно, она сможет держать себя в руках. Уж чего-чего, а выдержки у Марии хватало. И кто-то наверняка сможет ей объяснить, что надо делать. Но вот с деньгами действительно была беда. Она потратила их целую кучу на этот круиз, а зачем? Впервые в жизни ей захотелось сделать что-то для себя. Причем что-то совершенно бесполезное. Так и оказалось.

Круиз, конечно, поражал воображение, это не только Марии так казалось с непривычки. Огромный, шикарный лайнер: девять палуб, три бассейна, четыре ресторана, концертный зал и много других всевозможных развлечений. Обстановка в салонах очень дорогая, на столах — ценные декоративные вазы, по углам — статуи,

на стенах картины, причем весьма ценные, как горделиво заметил капитан, проводя экскурсию по лайнеру. В кают-компании имелись даже два этюда кисти Пикассо. Мария в живописи не настолько хорошо разбиралась, чтобы подлинник от копии отличить, так что капитану поверила на слово.

Публика на лайнере собралась соответствующая. Команда была интернациональная, много испанцев и португальцев, стюарды — филиппинцы, официанты — греки и итальянцы, но все без исключения говорили по-английски.

Отчего же она, Мария, не могла отбросить все свои комплексы и просто радоваться жизни хотя бы эти несколько дней? Тем более что с языком у нее проблем не было.

Те же Игорь с Ольгой получали от путешествия несомненное удовольствие. Может быть, потому, что они вместе, а Мария одна? Но и Елена Юрьевна тоже путешествовала одна, а прекрасно себя чувствовала.

Мария перевела глаза на веселую вдову — так они с Глебом окрестили Елену Юрьевну. Та вполголоса что-то рассказывала Глебу, а он, заговорщицки улыбаясь, шептал ей что-то на ухо, в котором сиял приличных размеров бриллиант.

Показалось Марии или нет, что они посмотрели в ее сторону? Ну да, она-то думала, что Глеб только ей с юмором описывает присутствующих, думала, что между ними появилась

какая-то незримая нить... А что, если у него это просто манера поддерживать развлекательную беседу и в эту минуту они с Еленой Юрьевной обсуждают ее, Марию? Вот интересно, что про нее можно сказать?

Унылая, будничная и скучная, как железнодорожное расписание, положенное на музыку. Возможно, веселой вдовушке понравится такая характеристика. Одета не только бедновато, но и тоскливо. В таком платье, что на ней сегодня, только в библиотеку ходить на какую-нибудь скучнейшую лекцию. В общем, вид — зануда обыкновенная, подвид — мымира академическая. Ну да, так и есть. Мария преподавала английский сначала в обычной школе, а потом много лет в университете. Не самая плохая, между прочим, работа.

Мария почувствовала, что разозлилась, но тотчас поняла, что это глупо. Во-первых, она понятия не имела, о чем говорят эти двое. Во-вторых, Елена Юрьевна играла роль благородной милой дамы (тот же Глеб называл ее «дамой, приятной во всех отношениях»), так что не опустится до обычного злословия и обсуждения одежды соседей по столу. Это не комильфо.

Официант, не дождавшись ответа, сделал было шаг в сторону, но Мария удержала его за рукав и разразилась длинной английской фразой, интересуясь, какой у них есть кофе. Официант

терпеливо перечислил наименования, и Мария, с удовлетворением убедившись, что ее английский лучше, выбрала какой-то редкий сорт, к которому официант советовал рюмочку ликера.

— А давайте! — улыбнулась она, хотя не пила спиртное даже за ужином. Только воду. Почему она так делала? Боялась опьянеть? Да что будет с одного бокала вина!

«Нет, надо задвинуть свои глупые страхи куда подальше и наслаждаться жизнью. Тем более что осталось всего три дня».

Итак, Мария решила выпить кофе с ликером, а после ужина погулять по палубе, глядя на темное море, а затем посетить музыкальный салон, где немолодой пианист наигрывает ретромелодии, а старички англичане тихонько танцуют фокстроты и вальсы. Она будет потягивать какой-нибудь слабенький коктейль и стараться запомнить все, что происходит. Потом пригодится для описания. А что, если написать английский детектив в духе Агаты Кристи? Море, компания пассажиров, которые раньше знакомы вроде бы не были, а потом, когда происходит убийство, выясняется, что у каждого, как выражаются в детективах, есть свой скелет в шкафу. И обязательно должен присутствовать сыщик-любитель, лучше всего женщина. А убийцей окажется самый незаметный из пассажиров, на которого в жизни не подумаешь.

«Ах да, — опомнилась Мария, — я же дала себе слово не думать о работе». Хотя работа — это то, за что человек получает деньги. А ей за три романа заплатили не деньги, а... в общем, все ушло на этот круиз. Мария решила отпраздновать начало нового этапа своей жизни.

Поначалу ей и в самом деле казалось, что она на пороге новой жизни. Шикарный круиз, море, хоть и холодное северное, и... Глеб. Так приятно было с ним разговаривать, сидя рядом в шезлонге и глядя на море и проплывающие мимо берега. Марии нравилась его речь — живая, богатая, никаких слов-паразитов. Как филолог, она была очень чувствительна к таким вещам.

Глеб был остроумен и начитан, много путешествовал и занимательно об этом рассказывал. Он ей нравился — пока просто как человек, и она надеялась, что тоже ему нравится. Иначе зачем бы он проводил с ней довольно много времени? Что с нее, нищей преподавательницы, взять-то?

Официант заметил, что у нее есть вкус и она не пожалеет о выборе сорта кофе.

— Вот что значит свободно владеть языком, — вполголоса сказал Алексей, сосед справа, молодой, но мрачноватый на вид мужчина, который всех сторонился и обычно вставал из-за стола первым, не дожидаясь остальных.

— Попросить официанта принести вам такой же ликер? — улыбнулась Мария так, чтобы Глеб это увидел.

— Не нужно, — сухо ответил Алексей, — но спасибо.

Мария тут же перехватила взгляд еще одной соседки по столу — Алены. Отчего она села с ними, было непонятно. Девушка молодая, стильная, с немного странной прической, когда все волосы зачесаны на одну сторону. Во времена молодости Марии такая прическа называлась «Плюнь мне в ухо». А Алена так причесалась, наверное, для того, чтобы серьга была видна. Серьга интересная: золотая райская птичка, а вместо глаз — крошечные бриллиантики. Не то что у Елены Юрьевны камни чистой воды. Это опять-таки Глеб утверждал. Судя по всему, он и в камнях разбирался.

Алена, по мнению Марии, была довольно противная, нагловатая и высокомерная. Одним словом, как героиня пьесы Бернарда Шоу «Женщина, не стоящая внимания». Только вряд ли эта Алена умела говорить литературным языком, она все больше выражалась каким-то невообразимым сленгом (против чего филологическая душа Марии бурно протестовала), а при письме делала грамматические ошибки. Мария один раз случайно увидела ее сообщение в телефоне — и пришла в ужас, но, разумеется, ничего не сказала. Только этого не хватало. Алена и так на нее отчего-то волком смотрит. Неужели за то, что Мария Алексею улыбнулась? Глупо...

Официант принес кофе. Аромат от чашки шел изумительный. И ликер в крошечной изящной рюмочке смотрелся очень неплохо.

— Не соблазнитесь? — спросила Мария, глубоко вдохнув необычайный аромат.

— Пожалуй, вы меня убедили, уж очень счастливое у вас лицо, — пробормотал Алексей.

— У меня? — всерьез удивилась Мария. — Что ж, очень рада, что вы замечаете такие вещи. То есть я хотела сказать, что... дело, конечно, не во мне... в общем... — Она махнула рукой официанту и попросила принести Алексею то же самое.

Остальные уже заказали напитки. Супруги пили кофе с огромной шапкой сливок, Алена — обычный эспрессо, Елена Юрьевна — специальный травяной чай, который заказала в самом начале круиза. Официанты запомнили это, повторять не пришлось.

— Ну, мои дорогие, — начала веселая вдова, — теперь настало время для истории. Кто хочет рассказать? Только предупреждаю: история должна быть обязательно с загадкой, раз уж наше общество похоже на сборище персонажей из романов Агаты Кристи.

Мария приготовилась к тому, что Елена Юрьевна снова посмотрит на нее со значением, и попыталась сделать отстраненное лицо, но этого не понадобилось.

— Да что мы, — галантно ответил за всех Глеб, — у вас, Елена Юрьевна, истории получится рассказывать лучше всех.

— Ну что же... — Дама, приятная во всех отношениях, не стала отказываться, а скорее всего и разговор этот завела, чтобы ее попросили. — Есть у меня одна история... правда, сразу скажу, весьма необычная. История, в которую вмешалась сама судьба. Уж извините за громкие слова, но так оно и было.

— Расскажите, Елена Юрьевна, сейчас самое время... — подал голос Иннокентий Павлович.

— Тогда слушайте! — Обведя соседей по столу взглядом, Елена Юрьевна убедилась, что все оставили свои чашки и смотрят на нее. — Дело было приблизительно два года назад. Я люблю ходить пешком, особенно в хорошую погоду. А вы знаете, как наш город хорош в любое время года, ну, кроме зимы и слякотной поздней осени. Осень в том году выдалась сухой и прохладной, листья уже облетели, по ночам начались заморозки, но везде было сухо, и солнышко ласково светило, хоть редкое и неяркое. Я свернула к Константиновскому скверу и брела, шурша листьями — знаете, у меня с детства сохранилась привычка шуршать опавшими листьями, — пока что-то не попало мне в глаз. Не то соринка залетела, не то от солнца глаза зазлезились. Я присела на скамеечку, проморгалась, промокнула глаза платком и стала ждать, когда высохнут слезы. Народу никого. И тут подошел ко мне мужчина — самый обычный, в возрасте, одет не то чтобы прилично, но чисто, и выбрит